

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Института права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Недействительность сделок»

Студент

Д.С. Климин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. полит. наук Д.С. Горелик

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Актуальность настоящего исследования обуславливается тем, что детальное изучение и применение гражданско-правовых норм о недействительности сделок позволяет выявить наличие множества пробелов и противоречий, вызывающих проблемы применения законодательных норм на практике. Проблема недействительных сделок является предметом многих научных дискуссий, так как, например, с одной стороны, возможность признания недействительных сделок действительными, нарушает стабильность гражданского законодательства, с другой стороны, непризнание института конвалидации лишает добросовестных граждан определенной защиты, что тоже не может способствовать развитию нормальных имущественных отношений. Анализ правоприменительной практики по теме исследования позволяет лучше оценить существующие в этой области проблемы и пробелы, а также предложить меры по их преодолению с целью совершенствования процесса признания сделок недействительными.

Целью исследования данной выпускной квалификационной работы является изучение понятия, особенностей и правовых проблем недействительности сделки по российскому законодательству.

Для достижения указанной цели были решены следующие задачи:

- рассмотреть теоретические основы недействительности сделок;
- определить особенности и правовые последствия недействительности сделок;
- проанализировать проблемы законодательства и судебной практики признания сделок недействительными и пути их решения.

Структура выпускной квалификационной работы включает введение, три главы, состоящие из шести параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретические основы недействительности сделок.....	6
1.1 Понятие и условия действительности сделки.....	6
1.2 Правовая природа недействительных сделок	14
Глава 2 Особенности и правовые последствия недействительности сделок..	19
2.1 Соотношение ничтожных и оспоримых недействительных сделок	19
2.2 Правовые последствия признания сделок недействительными.....	25
Глава 3 Проблемы законодательства и судебной практики признания сделок недействительными и пути их решения	39
3.1 Проблемы законодательства и судебной практики признания сделок недействительными	39
3.2 Совершенствование законодательства в сфере недействительности сделок	41
Заключение	48
Список используемой литературы и используемых источников.....	511

Введение

Актуальность темы исследования обусловлено тем, что понятие «недействительность сделки» не закреплено на законодательном уровне, в связи с этим, возникает большое разнообразие подходов к пониманию данного термина, что, в свою очередь, порождает определенные трудности при квалификации гражданских правонарушений и наступлении правовых последствий.

Поскольку в массе исследований по обозначенной проблематике выделяется довольно небольшое количество работ, посвященных установлению отличительных признаков недействительности сделок, разработка данного научного материала представляется весьма актуальной для ученого сообщества.

Детальное изучение и применение гражданско-правовых норм о недействительности сделок позволяет выявить наличие множества пробелов и противоречий, вызывающих проблемы применения законодательных норм на практике. Проблема недействительных сделок является предметом многих научных дискуссий, так как, например, с одной стороны, возможность признания недействительных сделок действительными, нарушает стабильность гражданского законодательства, с другой стороны, непризнание института конвалидации лишает добросовестных граждан определенной защиты, что тоже не может способствовать развитию нормальных имущественных отношений. Анализ правоприменительной практики по теме исследования позволяет лучше оценить существующие в этой области проблемы и пробелы, а также предложить меры по их преодолению с целью совершенствования процесса признания сделок недействительными.

Целью исследования данной выпускной квалификационной работы является изучение понятия, особенностей и правовых проблем недействительности сделки по российскому законодательству.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть теоретические основы недействительности сделок;
- определить особенности и правовые последствия недействительности сделок;
- проанализировать проблемы законодательства и судебной практики признания сделок недействительными и пути их решения.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, связанных с институтом недействительности сделок.

Предметом исследования выступают нормы гражданского права, регламентирующие институт недействительности сделок, материалы правоприменительной практики, научные труды ученых в рассматриваемой сфере.

Теоретической основой данного исследования являлись научные труды авторов, изучавших вопросы недействительности сделок, таких как А.Ю. Селезнева, А.А. Мясоедова, Д.О. Скрыпник, М.К. Сулейменов, Р.Т. Тимофеева, М.А. Ткаченко, Д.П. Новикова, И.А. Толстова, В.Ю. Викторов, П.А. Матвеев, В.А. Кишко В.А., О.В. Федотова, Т.Р. Бурмистрова, Т.Д. Черкасов, В.И. Елинский, и других авторов.

Нормативную основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации [25], части 1 и 2 ГК РФ [9], ГПК РФ [11], АПК РФ [4], Федеральных законов «Об акционерных обществах» [30], «Об обществах с ограниченной ответственностью» [31].

Методологию исследования составили общенаучные методы: диалектико-материалистический, метод системного анализа, а также специальные методы, такие, как сравнительно-правовой, формально-юридический.

Структура выпускной квалификационной работы включает введение, три главы, состоящие из шести параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы недействительности сделок

1.1 Понятие и условия действительности сделки

Сделка выступает наиболее распространенным видом юридических фактов – действий. Сделка – наиболее распространенное действие, поскольку она встречается постоянно в повседневной жизни [32, с. 142].

В.Б. Малкеров рассматривает сделку как «акт волевого взаимодействия (понятие, не совпадающее с более широким понятием волевого акта, включающим всякое сознательное действие), субъективный смысл которого состоит в определенном волевом решении юридической направленности (социологический аспект). Из-за заключенного в нем правового смысла, волеизъявление является, как и закон, хотя и в другом масштабе, источником права, нормативным фактом, устанавливая объективную систему смысловых юридических значений и зависимостей, которую называют регламентом (упорядоченностью, саморегламентацией) интересов, программой, связующим идеально-нормативным порядком» [28, с. 157].

П.С. Чирикалов отмечает, что «сделка – это волевой, правомерный юридический акт сделкоспособных субъектов частноправовых отношений, направленный на достижение осуществимых гражданско-правовых последствий» [41, с. 117].

Согласно легальному определению, данному в ст. 153 ГК РФ, «сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [10].

В качестве особой правовой категории, сделки выступают в форме выражения общественных отношений. При этом, важное значение приобретают отношения в сфере экономики, возникающие между субъектами права в процессе возникновения (производства), распределения, обмена и

потребления экономических ресурсов, материальных и духовных благ. При помощи сделок субъекты правоотношений оформляют множество различных отношений и взаимосвязей. Например, право собственности, договорные обязательства, вещные права. Обязательным условием для этого является свободное волеизъявление сторон, о чем говорится в ст. 421 ГК РФ.

Целесообразно провести анализ договора как основного вида сделки. Правовой институт договора занимает ведущее место как в системе гражданского права, так и в сфере гражданского законодательства. Изучению правовой природы, особенностей и видового разнообразия договоров всегда отводилось большое внимание со стороны цивилистической науки.

Вместе с тем в современных условиях развития товарно-денежных отношений, изменений в экономической сфере возрастает роль договора как универсальной правовой модели, основанных на юридическом равенстве, свободном волеизъявлении и самостоятельности их участников. Под влиянием указанных факторов изменяется и характер этой традиционной гражданско-правовой категории: увеличивается и расширяется сфера применения договоров, возникают новые договорные конструкции, смещаются акценты в механизме нормативного регулирования порядка и условий заключения и исполнения обязательств договорного характера. Поэтому научный анализ правовой природы и места договора в системе гражданско-правовых институтов, исследование толкования этой категории в правовой доктрине прошлого и современными учеными, рассмотрение правовых основ договорного регулирования общественных отношений приобретает важное значение.

В последние годы в области цивилистики сформировался еще один аспект понимания категории «договор». Вместе с договором – юридическим фактом, договором правоотношением и договором-документом предложено понимание договора как источника права.

Анализируя указанные подходы к пониманию договора, выработанные

цивилистической наукой, необходимо отметить следующее.

Указанный подход не означает полного отказа от других возможных ракурсов понимания и интерпретации категории «договор». Однако такое определение не должно приводить к замене понятий, то есть когда основные свойства, обозначенные одной категорией, переносятся на другую, имеющую с ней только отдельные общие признаки. Во-вторых, в отличие от категории «договор», термин «обязательства» определяется в юридической науке и гражданском законодательстве практически одинаково.

При этом большинство ученых восприняли подход к толкованию обязательства как разновидности гражданского правоотношения, в котором одна сторона (должник) обязана совершить в пользу другого (кредитора) определенное действие или воздержаться от определенного действия, а кредитор вправе потребовать от должника выполнения его долга. Обязательства часто возникают на основании договора, в таком случае возникшие правоотношения характеризуются как договорные или обязательственные.

Однако, безусловно, не следует отождествлять обязательства как правоотношения между должником и кредитором и договор как правовое основание их возникновения, ведь не только договор может быть основанием для возникновения обязательственных отношений.

Нельзя также безоговорочно согласиться с толкованием договора как документа, то есть внешней формы фиксации прав и обязанностей сторон. Это слишком упрощенный (бытовой) подход к пониманию договора. В современных условиях достаточно распространена практика возникновения договорных обязательственных отношений на основании устного договора или договора, заключаемого путем совершения конклюдентных действий (договоры купли-продажи в розничной торговле, с использованием автоматов, на основании публичной оферты и т.п.). В этих условиях фиксация прав и обязанностей сторон в письменном договоре вообще не происходит.

Иногда договор оформляется в электронной форме или путем обмена документами. В связи с ростом общего уровня информатизации общества, практика заключения электронных форм договоров получает все большее распространение. Распространена также практика заключения договоров, по которому стороны только в общих чертах определяют его условия, используя базовую модель договора, сформированную законодателем, фиксируя в приложениях отдельные особенности объекта договора, цены, сроки и т.п.

Договор как документ является лишь формой фиксации согласованного волеизъявления сторон. При заключении договора приоритетное значение приобретает не его текст, а соответствие содержания договора внутренней воли его сторон, на что обращает внимание законодатель. Так, при толковании содержания договора учитывается одинаковое для всего содержания сделки значение слов и понятий, а также общепринятое в соответствующей сфере отношений значение терминов. Однако если нет возможности определить настоящую волю лица, совершившего сделку, учитываются цель сделки, содержание предварительных переговоров, устоявшаяся практика отношений между сторонами, обычаи делового оборота, дальнейшее поведение сторон, текст типового договора и другие обстоятельства, имеющие существенное значение (ст. 213 ГК РФ). Приведенные факторы свидетельствуют, что не каждый договор является документом, поэтому его толкование в указанной плоскости требует корректировки [16, с. 109].

Определение договора как источника гражданского права ненормативного (индивидуального) характера также не лишено определенных недостатков. В договоре как гражданско-правовом феномене, пожалуй, больше всего проявляются признаки частноправового регулирования с присущими ему чертами диспозитивности, свободного волеизъявления, юридического равенства и имущественной самостоятельности участников правовых отношений

Однако, каждый договор имеет признаки источника права. Только

договоры, которые определяют другие правила поведения, чем установленные в законодательстве, по мнению автора, носят характер источника права. Все остальные договоры, участники которых урегулировали свои отношения на основе модели, сформулированной законодателем, не совершая отступления от его диспозитивных положений, соответственно, не могут считаться источниками права [3, с. 675].

Характеристика договора как источника права подлежит ограниченному толкованию с учетом трех факторов. Во-первых, такой источник носит индивидуальный характер и распространяет свое действие на участников договорных отношений (как правило, это стороны договора или третьи лица, которые могут воспользоваться правами, установленными в договоре). Во-вторых, договорное регулирование участников распространяется только на отношения, которые регламентированы на основании правил, отличных от установленных актами гражданского законодательства.

В-третьих, в актах законодательства должен отсутствовать запрет на возможность установление других правил поведения участников договора или обязательность для сторон положений актов гражданского законодательства не следует из содержания актов законодательства или по существу отношений между сторонами.

Таким образом, договор как индивидуальный источник права распространяет свое регулирование только на участников договорных отношений (как правило, это стороны договора) только в случаях и в части определения сторонами других правил поведения, чем те, которые установлены в законодательстве, при условии отсутствия нормативного запрета или если обязательность для сторон положений актов гражданского законодательства не вытекает из их содержания или по существу отношений между сторонами.

В этих обстоятельствах, приведенные ограничения и условия не

превращают любой гражданско-правовой договор в источник права. Только договор, в котором реализуется саморегулирование участников договорных отношений, в случае отсутствия законодательных запретов может определять правила поведения для его сторон, то есть считаться индивидуальным источником права, но только для самих сторон и только в отношении тех условий, которые они установили по-другому, чем это предусмотрено законодательством.

Признаки, характерные для единичного явления по общему правилу, не обязательно присущи всем явлениям этого вида. В научной литературе отмечается, что метод индуктивного познания предполагает, что в случае обнаружения подобных признаков, свойств многих объектов определенного класса делается вывод о наличии этих признаков, свойств у всех объектов этого класса. Неполная индукция не дает полного представления об истинности суждения.

Учитывая, что толкование договора как документа и договора как источника права является аспектами, присущими только части договоров (письменных договоров и договоров, в которых при отсутствии законодательных запретов реализуется саморегулирование участников договорных отношений), распространение указанных подходов в целом разнообразие гражданско-правовых договоров считаем нецелесообразным.

Не стоит также отождествлять обязательства как правоотношения между должником и кредитором и договор как правовое основание их возникновения. Вместе с тем, все виды договоров являются сделками, приводящими к возникновению, изменению или прекращению гражданских правоотношений. Поэтому считаем целесообразным присоединиться к концепции понимания договора в сфере гражданского права как юридического факта (правомерного действия – юридического акта), что приводит к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, то есть порождает, трансформирует или прекращает

гражданские обязательственные отношения (или другими словами, до возникновения, изменения или прекращения обязательств).

Такой подход к толкованию договора, с одной стороны, позволяет охватить все виды гражданско-правовых договоров, во-вторых, разграничить договор как юридический факт и обязательства как правоотношения, возникшие на основании указанного юридического факта.

Как отмечают исследователи, «действительность сделки означает, что за ней признаются качества юридического факта, порождающего тот правовой результат, к которому стремились субъекты сделки. Несоблюдение ряда требований при совершении сделки приводит к ее недействительности, именно поэтому важно учитывать все условия, при которых сделка будет считаться действительной. В связи с этим, законодательство определяет ряд условий, игнорирование которых невозможно» [23, с. 175].

В гражданском праве, действительность сделки определяется через систему условий, к которым законодатель отнес законность содержания; способность физических и юридических лиц, совершающих ее, к участию в сделке; соответствие воли и волеизъявления; соблюдение формы сделки. Следует отметить, что указанные требования к действительности сделки должны выполняться при одновременном наличии вышеперечисленных условий.

Законность содержания и правового результата сделки означает соответствие ее требованиям законодательства. При решении вопроса о законности содержания сделки необходимо иметь в виду, что согласно ст. 6 ГК РФ законодательством допускается прямая аналогия права.

Необходимо обратить внимание на субъекты сделки. Они в обязательном порядке должны обладать дееспособностью, в научной литературе ее часто определяют через понятие сделкоспособности. В качестве субъектов при заключении сделки выступают как физические, так и юридические лица [21, с. 23].

Следует указать, что способность субъекта к участию в сделке не сводится исключительно к право- и дееспособности. Она по своему содержанию гораздо шире и заключается в легитимности лица к совершению сделки, под которой необходимо понимать соответствующую закону способность. Отсюда такая способность может означать наличие у субъекта права распоряжения имуществом, являющимся предметом сделки. Например, при заключении сделки залога вещи залогодатель обязан владеть ею на праве собственности, а для совершения сделки субаренды – обладать правами арендатора [8, с. 176].

Следующим условием действительности сделки является соответствие воли и волеизъявления. Между действительными желаниями, намерениями лица и их выражением должно быть полное совпадение. В ином случае сделка признается недействительной. Обязательно учитывается то, что до обнаружения судом указанного несоответствия действует презумпция совпадения воли и волеизъявления [5, с. 240].

При вышесказанном несоответствии складывается ситуация, характеризующаяся тем, что воля субъекта сделки формируется свободно, однако он совершает действие в виде волеизъявления, не совпадающее с этой волей.

Следует отметить то, что несовпадение воли и волеизъявления может возникнуть в результате ошибки или существенного заблуждения, например, относительно предмета и условий сделки, а также умышленных действий (заключение мнимых и притворных сделок) [22, с. 16].

Кроме этого, «важными являются случаи заключения сделок под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения тяжелых жизненных обстоятельств. В таких ситуациях воля совпадает с волеизъявлением, однако формируется несвободно или искаженно. В теории указанная воля именуется «упречная» или «дефектная». Она не отражает действительные желания и устремления субъекта. Поэтому, упречность (дефектность) воли лица,

совершающего сделку, также является основанием для признания сделки недействительной» [19, с. 103].

Можно сформулировать общий вывод, что условия действительности сделки – установленные законом требования, которые относятся к ее элементам (субъектам, субъективной стороне, форме и содержанию). Законодатель определил действительность сделки посредством следующей системы условий: способность лиц, совершающих сделку, к участию в ней; волеизъявление должно соответствовать внутренней воле сторон; соблюдение установленной законом формы сделки; соответствие содержания сделки требованиям закона.

1.2 Правовая природа недействительных сделок

В российской цивилистике учеными было глубоко исследовано и проанализировано, а также дано широкое применение определению «недействительность» сделки. Однако, несмотря на обширный пласт работ по теме, единого определения для понятия «недействительность» до сих пор нет. Юристы-материалисты и юристы-процессуалисты имеют большое количество вопросов относительно теоретической и практической составляющих данного понятия. Издавна, ученые-юристы ведут спор о правовой природе недействительных сделок, однако к единому мнению до сих пор не смогли прийти.

Впервые, проблема недействительности сделок проявляется при изучении римского права. Позднее, «германская юридическая школа, основываясь на текстах древнеримских философов, сформулировала два отличных друг от друга подхода к определению недействительной сделки:

- отсутствие юридических последствий от совершенной сделки;
- не признание юридической силы за сделкой, которая по своей сущности может противоречить действующему законодательству» [44, с. 79].

Эти подходы нашли широкое распространение в других европейских странах, что напрямую повлияло на отдельные нормы права и на законодательства в целом. Немецкая доктрина об отрицательной составляющей сделки, а именно ее недействительности, получила свое яркое и широкое продвижение в итальянском законодательстве. Итальянские законодотворцы переняли из германского законодательства общие положения недействительности, однако она не получила отражения в нормах позитивного права, но нашла свое отражение в итальянской судебной практике.

Н.Л. Дювернуа стал основоположником в деления недействительной сделки, как правового события, и недействительной сделки, как правового отношения между субъектами права. Он сравнивал сложное понятие с более простым для понимания, обыденным символом, для упрощения. Этим символом стала денежная система, в основе которой были деньги. Так ученый сравнил понятие недействительной сделки и денежных средств. По его мысли, все денежные средства (деньги) были созданы для того, чтобы быть платежным средством при обмене на него каких-либо товаров и услуг. Деньги бывают и могут быть как действительными, так и недействительными. Если денежные средства являются поддельными, то, следовательно, служить средством оплаты они не могут, фактически эти деньги станут недействительными. Но нужно заметить, что от того, что она теперь считается недействительной собственных характеристик она не потеряла, то же самое происходит и со сделками, даже будучи признанными недействительными данные сделки все равно остаются по своим характеристикам сделкой. Н.Л. Дювернуа в своих исследованиях недействительных сделок рассуждал так: в том случае, когда в юриспруденции даже недействительная сделка все равно называется сделкой, в том случае, когда правоприменители и практики осознают, что такая сделка не несет в себе каких-либо юридических последствий, которые обычно неразрывно следуют с момента заключения этой самой сделки, то это понятие, при условии подразумевания это сделкой,

не будет угрожать заведомо положительной цели сделки и не повлечет за собой полного отрицания самого понятия [14, с. 48].

Любое юридическое событие имеет следствием, установленный правовой эффект, конкретную юридическую значимость, тогда последствия недействительности сделки должны проявлять и быть связанными конкретно с теми юридическими последствиями, при которых соблюдение закона и иных правовых норм, связываются с этим фактом, то есть при возможности события формирования и создания за собой таких последствий. Соответственно, отсутствие юридического результата от сделки равно отсутствию юридической значимости этой самой сделки [7, с. 14].

Сама по себе сделка, независимо от того является она действительной или же недействительной имеет волю субъекта или же субъектов права, чьи действия направлены на прекращение, изменение или установление прав и обязанностей. К основным характеристикам таких сделок исследователи относят:

- сделки, где в основе находятся воля и волеизъявление сторон;
- сделки, направленные на достижение конкретных правовых целей [38, с. 111].

О.В. Федотова, Т.Р. Бурмистрова указывают, что «порочная сделка в сочетании определенных характеристик, при наличии в ней некоторых изъянов, пробелов, вполне может быть определена как недействительная (ничтожная или отмененная решением суда оспоримая сделка), так и действительная (оспоримая сделка до момента объявления ее недействительной). Точно также может быть и обратное, сделка, которая не имеет изъянов и пробелов, которая считается по нормам права законной, в некоторых ситуациях и условиях, вполне может оказаться безрезультативной с правовой точки зрения, т. е. быть действительной, но лишь с определенного момента (например, завещание до момента смерти завещателя)» [40, с. 133].

«Недействительность» в своем узком смысле подразумевает под собой сделку считающуюся недействительной, поскольку за фактом ее заключения (подписания) не следует характерный ей юридический результат, хотя она - не связанная с пороками вполне в состоянии, в последующем, стать действительной (после смерти завещателя, если завещание не будет отменено). Исходя из вышесказанного, недействительность в узком смысле определяется как исходная, но фактически являющаяся прекарной (притворной), поскольку либо сменится на действительную, либо станет окончательно.

Юристы-материалисты используют определение «недействительность» наиболее часто в этом смысле, как при отсутствии результата сделки, не имеющей пороков. Порочность - обратная сторона недействительности. Порочность можно определить и охарактеризовать, как внутреннюю структуру самого порока, имеющую степень воздействия на сделку, то есть сделка может считаться недействительной сразу же либо может впоследствии стать такой.

Необходимо отметить, что современной научной литературе ряд исследователей отмечает, что недействительные сделки – это «противоправные действия, которые изначально нацелены на нарушение закона» [43, с. 917].

Другие исследователи считают, что «недействительная сделка не должна рассматриваться, как правонарушение или противоправное поведение и относят недействительные сделки к категории правомерных действий, указывая при этом, что недействительные сделки заключаются с нарушениями по ошибке. Любое юридическое событие имеет следствием, установленный правовой эффект, конкретную юридическую значимость» [44, с. 77]. Вместе с тем, недействительная сделка не имеет собственной ценности, значимости, но имеет волю субъектов сделки.

Р.Т. Тимофеева говорит о том, что «важнейшим признаком недействительной сделки является отсутствие правового результата или же явное отличие его от того результата, к которому стремятся стороны, а напрямую юридическое непризнание, того правового эффекта, который должен был бы наступить при нормальных условиях, но который в силу определенных последствий не наступил» [39, с. 89].

Самой нейтральной из всех можно считать позицию Д.О. Скрыпник, которая заключается в том, что недействительные сделки раскрываются и как сделки, и как особо опасные, противоправные деяния - правонарушения, но с одним исключением, что о противоправном деянии, в данном контексте, следует говорить в общем смысле [37, с. 18].

Эта позиция в юриспруденции считается наиболее правильной, поскольку в ней можно разграничить такие понятия как «правонарушение» и «деликт». Позиция служит базисом для понимания самого понятия института недействительность сделок. На основании этой модели можно выделить группу «не деликтных правонарушений», то есть любые виновные противоправные деяния, которые наносят вред непосредственно имуществу других лиц либо их личным благам имущественного характера.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сформулировать общий вывод, что «недействительная сделка» – противоправное действие, юридически оформленное в форме сделки, имеющее правовые недостатки, но не имеющее возможности привести к такому юридическому результату, который изначально предполагался сторонами в момент ее заключения. Соответственно, под «недействительностью» необходимо понимать любое неприятие законодательством тех правовых последствий, которые несла или могла нести в себе данная сделка, а также целей в связи, с которыми она заключалась. В основе недействительности кроются те самые пробелы в законодательстве, которые и влекли невозможность признания сделки, заключенной правомерно.

Глава 2 Особенности и правовые последствия недействительности сделок

2.1 Соотношение ничтожных и оспоримых недействительных сделок

Базисные элементы о дифференцировании недействительных сделок на ничтожные и оспоримые содержатся в ГК РФ. Относительно недавние положения были введены в 2013 г., в момент последних нововведений в гражданское законодательство по недействительным сделкам. Так изменения вступили в силу с вступлением в действие разъяснений Верховного Суда РФ по данному вопросу, и были подробно расписаны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» [33].

Исследователи отмечают, что юриспруденция имеет две формы недействительности сделок: ничтожность и оспоримость, при этом, в основе деления понятий находятся следующие положения:

– если это противоправная сделка, охраняющие права лиц и запрещающие некоторые действия в интересе общественном или государственном, то есть нарушает права публичные, то это ничтожная сделка;

– если это противоправная сделка, нарушающая нормы, охраняющие интересы частного лица, то такие сделки признаются недействительными только по требованию потерпевшей стороны [2, с. 267].

Ряд исследователей считают, что в юриспруденции, по обыкновению, условиями разграничения оспоримых и ничтожных сделок являются:

– определенные условия, в соответствии с которыми устанавливают факт недействительности сделки;

- определенный круг лиц, имеющий право заявлять о недействительности сделок;
- срок исковой давности [6, с. 144].

По первому указанному признаку, характеристикой ничтожной сделки получается была ее невозможность произвести те юридические ситуации, которые должна была бы породить такая сделка вне зависимости от ее признания юриспруденцией. Оспоримая сделка в случае ее заключения должна порождать определенные правовые последствия. Такая сделка, оспоримая сделка, может быть признанной несостоявшейся, то есть недействительной, только в случае признания судом ее недействительности. Для соблюдения этой процедуры необходимо предоставить в суд исковое заявление о признании сделки недействительной.

Об этом говорится в п. 1 ст. 166 ГК РФ: «сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка)» [10].

Ничтожная сделка является недействительной независимо от признания ее таковой судом. Вместе с тем, в практике не исключается возможность предъявления исков в суд о признании недействительной сделки ничтожной.

Раскрывая смысл вышеуказанного, Верховный Суд РФ в Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» указывает, что данный вариант предъявления требования о признании сделки недействительной без рассмотрения последствий этой самой сделки, то есть ее недействительности, может существовать только при ничтожной, а не оспоримой сделки. При этом, «в случае удовлетворения иска в решении суда о признании сделки недействительной должно быть указано, что сделка является ничтожной» [33].

Основываясь на изложенном, можно сказать, что одним из критериев оспоримых сделок можно указать возможность предъявления иска в суд о

признании ничтожной сделки недействительной в отсутствие сопровождающего его имущественного последствия признания сделки недействительной.

Продолжая раскрывать критерии оспоримых сделок, следует упомянуть о разграничении оспоримых сделок от ничтожных, а именно о круге лиц, которые имеют право заявлять требование о признании сделки недействительной.

В отличие от ничтожной сделки, признание за оспоримой сделкой нарушения закона, может повлечь нарушения прав и законных интересов третьих лиц. Заинтересованные лица имеют право обратиться в суд за расторжением этой сделки. Хотя в момент ее заключения данная сделка и действительна, ее расторжение, приведет к тому, что субъекты сделки вернуться к первоначальному положению, что может сказаться на их авторитете (если речь о компаниях), а также на материальном положении. Считаем, что такие споры начинают недобросовестные субъекты, которые желают избежать ответственности за не проделанную работу и не исполнение принятых на себя обязательств.

Законодатель установил существенные ограничения для таких субъектов. Так, в соответствии со с абз. 2 ст. 166 ГК РФ, «требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено стороной сделки или иным лицом, указанным в законе» [10].

Оспоримая сделка может быть признана недействительной, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в том числе повлекла неблагоприятные для него последствия.

В случаях, когда в соответствии с законом сделка оспаривается в интересах третьих лиц, она может быть признана недействительной, если нарушает права или охраняемые законом интересы таких третьих лиц.

Сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли.

Однако, эти требования законодательства могут быть исключены, если происходит оспаривание сделки по следующим основаниям, изложенным в ст. 173.1, 174 ГК РФ, в случае если сделка заключается без согласия стороны, согласие которой на заключение данной сделки было получить необходимо.

Также, согласно абз. 1 п. 2 ст. 166 ГК РФ, «оспоримая сделка может быть признана недействительной, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в том числе повлекла неблагоприятные для него последствия» [10].

ГК РФ содержит в себе специальное требование, к лицу, оспаривающему сделку быть добросовестным. Указанный принцип проявляется в положении абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ – «сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли» [10].

Положение может существовать, если в момент совершения сделки лицо желало сохранить сделку и было заинтересовано в ней, но знало об основании для ее оспаривания, которое и впоследствии легло в основу иска.

Проводя анализ норм гражданского права, юристы приходят к выводу о том, что границы между понятиями ничтожной и оспоримой недействительными сделками не являются четко выраженными.

О.А. Давидович определяет, что порядок признания сделки недействительной и имеющийся круг лиц, не могут служить достоверным и надежным критерием для точного разграничения ничтожных и оспоримых сделок. Также он говорит о том, что фактически между ничтожными и оспоримыми сделками нет усредненных, принятых всеми критериев различия [13, с. 198].

Некоторые сделки, формально отвечающие требованиям законодательства и в действительности, являющиеся притворными, становятся реальными, поскольку их ничтожность неочевидна, так как они заключены с соблюдением всех юридических требований, что делает практически невозможной задачей признание их недействительности.

К ничтожным сделкам законодатель прямо относит сделку, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ); мнимая или притворная сделка (ст. 170 ГК РФ); сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия (п. 1 ст. 170 ГК РФ); сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях (п. 2 ст. 170 ГК РФ); сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства (п. 1 ст. 171 ГК РФ); соглашение о переводе должником своего долга на другое лицо при отсутствии согласия кредитора (п. 2 ст. 391 ГК РФ); заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства (п. 4 ст. 401 ГК РФ); договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя (п. 3 ст. 572 ГК РФ); договор, устанавливающий пожизненную ренту в пользу гражданина, который умер к моменту его заключения (п. 3 ст. 596 ГК РФ); кредитный договор или договор банковского вклада, заключенный с нарушением требования о его письменной форме (ст. 820 ГК РФ, п. 2 ст. 836 ГК РФ).

Ничтожная сделка становится недействительной с момента ее заключения, просто потому что она нарушает фундаментальные принципы законодательства. Эта сделка в любом случае будет расторгнута.

Если говорить о расторжении ничтожной сделки в суде, то суд не вправе принять отказ от исковых требований по причине ничтожности сделки, утверждать между сторонами мировое соглашение, предметом которого является сохранение в силе ничтожной сделки либо ее части. Это один из

наиболее качественных и понятных примеров различия ничтожных от оспоримых сделок.

Еще одним критерием различия можно указать срок течения исковой давности. По п. 1 ст. 181 ГК РФ – срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной (п. 3 ст. 166 ГК РФ) составляет 3 (три) года и начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. При этом, срок исковой давности для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать десять лет со дня начала исполнения сделки.

Течение срока исковой давности определяется объективной, а не субъективной осведомленностью сторон о нарушении их прав, из – за того, что сделка изначально не имеет юридической силы и не имеет под собой обязанностей для субъектов этой сделки.

В соответствии п. 82 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ», в случае недействительности договора, по которому полученное одной из сторон выразилось во временном возмездном пользовании индивидуально-определенной вещью, эта сторона возмещает стоимость такого пользования другой стороне, если оно не было оплачено ранее (п. 2 ст. 167 ГК РФ). Переданная в пользование по такому договору вещь также подлежит возврату. Учитывая особый характер временного пользования индивидуально - определенной вещью, срок исковой давности по иску о ее возврате независимо от момента признания сделки недействительной начинается не ранее отказа соответствующей стороны сделки от ее добровольного возврата (абзац 2 п. 2 ст. 200 ГК РФ) [33].

Эти положения способствуют стабилизации оборота и устойчивости отношений его участников.

Подводя итог, можно сформулировать вывод, что основные отличия ничтожных сделок от оспоримых можно указать по следующим положениям: указание прямо в законе на ничтожность недействительной сделки; ничтожность сделки независимо от нарушенного права или же круга лиц; ничтожность сделки независимо от желания лиц сохранить сделку; возможность установления судом ничтожности сделки, в том числе и в рамках судебного разбирательства по другому предмету; возможность применения судом последствий недействительной сделки по своей инициативе в публичных целях; наличие трехлетнего срока исковой давности.

2.2 Правовые последствия признания сделок недействительными

Согласно общему правилу п. 1 ст. 167 ГК РФ, недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Как отмечает М.И. Гулиева, «говоря о последствиях, связанных с недействительностью», законодатель, очевидно, подразумевает в первую очередь возникновение между сторонами сделки определенных охранительных правоотношений. Главными из них являются реституционные» [12, с. 147], о чем свидетельствует законодательное воплощение, отраженное и в п. 2 ст. 167 ГК РФ, в части которой указано, что «при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке», конечно же предполагая в качестве такого последствия отношений, связанных с основанием и признанием сделки недействительной и применимости данных последствий исходя из особенностей, которые связаны с недействительностью сделок, которые являются «общими» (ст. 168 ГК РФ), а также «поименованными» (ст. 169 - 179 ГК РФ).

В ст. 167 ГК РФ нет указания последствий недействительности по

отношению к каждому «поименованному» недействительному договору. Как правильно отмечают В.О. Дружинин, У.Б. Филатова, «в точном смысле слова, ст. 167 ГК РФ не образует нормы, а описывает лишь санкцию, причем применимую не к определенной недействительной сделке, а к любой недействительной сделке, поскольку закон не утверждает иное» [15, с. 82]. Однако, и из этого правила есть исключения. В п. 4 ст. 167 ГК РФ указано право суда не применять последствия недействительности сделки, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности. По мнению Н.Б. Ершовой, «передача судом в порядке реституции полученного по иным основаниям недействительным сделкам имущества, разрешенного к обороту, сама по себе не может затрагивать основ правопорядка и нравственности, кроме тех случаев, когда налицо определенные качества имущества, оборот которого подрывает основы правопорядка и нравственности [17, с. 38].

Е.В. Забелина, комментируя п. 4 ст. 167 ГК РФ, пишет следующее: «Например, заказчик убийства требует возврата в порядке реституции уплаченных им наемному киллеру денег. В подобных ситуациях считается, что суд просто не должен вникать в правовую обоснованность подобных требований и «марать себе руки» их рассмотрением», с чем конечно же можно согласиться. Также он отмечает, что формулировка в норме п. 4 ст. 167 ГК «Суд вправе», есть нечто, как властное полномочие суда и при наличии к тому необходимого основания суд не только вправе, но и обязан отказать в применении реституции [18, с. 116].

Исходя из позиций авторов, указанных выше, касающихся п. 4 ст. 167 ГК РФ, не совсем понятно данное закрепление законодателем, так как нет видимой необходимости выделения такого специального последствия, но с другой стороны законодатель указывает на определенные условия признания антисоциальной сделки недействительной в качестве специального применения защиты гражданских прав, то есть защиты не только частных

правоотношений, а в первую очередь публичных, которые могут затронуть не только частные права, но могут и посягнуть на безопасность и правопорядок, установленный законом для защиты общества, а также моральным и нравственным критериям и категориям, установленным в обществе, а п. 4 ст. 167 ГК РФ, как кажется, устанавливает право суда применить специальное последствие в виде конфискации, указывая на полномочия суда решать вне интересов и требований лиц по иску признания договора недействительным (ничтожным) применить специальные правила неприменения реституции исходя из специфики состава данного недействительного договора и своих властных полномочий.

Следующий аспект – это законодательное закрепление принципа добросовестности и его воплощения в абз. 2 ч. 1 ст. 167 ГК РФ. Законодательное закрепление принципа добросовестности, который стал одним из ключевых и важных в данной концепции, воплотился в гражданском законодательстве не только в п. 3 ст. 1 ГК РФ, а также в п. 5 ст. 10 ГК РФ в качестве необходимого отражения данного принципа в законодательстве. Также, в действующее законодательство введен абз. 2 ст. 167 ГК РФ, в котором указано, что «лицо, которое знало или должно было знать об основаниях недействительности оспоримой сделки, после признания этой сделки недействительной не считается действовавшим добросовестно». Как отмечает Д.О. Тузов, что «его смысл состоит, по-видимому, в том, чтобы путем фикции приравнять знание (или незнание по небрежности, в силу непроявления должной заботливости и осмотрительности) об основаниях недействительности (т.е. пороках) оспоримой сделки (или, что то же самое, знание об основаниях оспоримости такой сделки) к знанию о недействительности, как если бы такая – оспоримая – сделка была недействительной с самого начала. Юридическое же значение знания о недействительности сделки может состоять в том, что оно свидетельствует об осознании отсутствия соответствующего правооснования, а следовательно,

субъективного права» [1, с. 92], то есть, включением в норму ст. 167 ГК РФ критерий добросовестности законодатель хочет поставить знак «равно» между оспоримой и ничтожной сделкой. Однако, с данным утверждением можно поспорить.

М.А. Зегонов указывает, что лицо способно стать добросовестным, как и недобросовестным в случае признания оспоримой сделки недействительной [20, с. 126]. Данное утверждение является верным с той точки зрения, что лицо именно после признания этой сделки недействительной не считается действовавшим добросовестно (исходя из абз. 2 п. 1 ст. 167 ГК РФ) и именно добросовестность или недобросовестность следует за недействительностью, а не наоборот.

В.Ю. Коломейцева указывает, что добросовестность участников недействительной сделки состоит в таком их поведении, которое, исходя из недействительности сделки как ситуации неопределенности в динамике правоотношений, объективно свидетельствует о непризнании ими такой сделки как действительной с момента, когда они узнали или должны были узнать об основании недействительности. Именно такое поведение предопределяет в дальнейшем возможность удовлетворения их требований о признании сделки недействительной и (или) применении последствий ее недействительности [24, с. 157].

Безусловно, законодатель, хоть и искусственно, но ввел данный термин «критерий добросовестности» в качестве его закрепления в абз. 2 ч. 1 ст. 167 ГК РФ, хотя критерий недобросовестности и статус лица как недобросовестного при ничтожной или оспоримой сделки презюмируется и должен был предполагаться, однако тем самым законодатель хоть и косвенно, но решил для себя вопрос разграничения виндикации от реституции, то есть исключил конкуренцию при подаче иска на основании последствий ст. 167 ГК РФ и 302 ГК РФ.

Однако, как кажется, деление на ничтожные и оспоримые сделки также

связаны, как кажется, со степенью недобросовестности лица. Законодательно в составах недействительных сделок, указанных в § 2 гл. 9 ГК РФ уже предусмотрены последствия ее недействительности, однако указание законодателем в некоторых составах на ничтожность, а в некоторых - на оспоримость, кажется верной в следующем: в недействительных сделках, где присутствует порок субъекта (ст. 171, 172 ГК РФ) или в тех составах недействительных сделок, в которых порок договора заключается в изначальном невыполнении предписаний закона (то есть незаконные сделки, п. 2 ст. 168 ГК РФ), также противоречащих основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ, к примеру продажа оружия лицу, которое не имеет права приобретения оружия в силу отсутствия у лица такой лицензии) имеют прямое указание на ничтожность. В данных составах недействительных сделок недобросовестность лица не нуждается в особом доказывании, исходя из правоустанавливающих документах недееспособности лица, ограниченной способности лица, совершающего сделку, как и в том случае, когда лицо знало и наверняка должно было знать, что нарушает предписания, прямо установленных в законе. Однако, в данном случае является достаточно спорным факт недействительности договора по основанию ст. 179 ГК РФ в том случае, когда имеется приговор суда по отождествленному основанию в рамках уголовного производства, в таком случае сторона, действующая обманным путем, угрожая, применяя насильственные действия к другой стороне недействительного договора, то по основанию приговора суда недобросовестность тоже должна предполагаться изначально и в доказывании, соответственно, не нуждаться и быть ничтожной.

Изначально, хотелось бы разобраться в том, что представляет собой понимание последствий недействительного договора (сделки), то есть «реституция» не только через призму и понимание ст. 167 ГК РФ, а также и в доктрине, как ученые рассматривают понятие реституции, какова природа реституционных отношений, ее значение и т.д.

Определяя двустороннюю реституцию, А.Н. Кунцов под реституционными правоотношениями и под двусторонней реституцией определяет реализацию двух самостоятельных, взаимно не обусловленных обязательств [26, с. 361]. М.М. Курманбаев указывает, что реституционное правоотношение «складывается, в отличие от правоотношения по защите, исключительно между сторонами недействительной сделки и при наличии ее исполнения, опосредуя, таким образом, только процесс перемещения переданного по недействительной сделке имущества. Содержанием такого правоотношения выступают обязанности сторон возвратить имущество, юридическим фактом, влекущим возникновение реституционного правоотношения, удовлетворение требования о применении последствий недействительности» [27, с. 103]. С данным автором можно согласиться, ведь он верно указывает, что именно реституционное правоотношение напрямую связано с исполнением данной сделки, после чего, в случае признания недействительного договора именно исполнение обязательств и добросовестность при исполнении обязательства должны быть соблюдены, и только в таком случае стоит применять реституцию, исходя из исполнения обязательства по договору несмотря на пороки, связанные с внешним свойством «неприменимости договора», что еще раз указывает на различие реституции от реализации обязательств, что указывает на специфику реституционного правоотношения.

Исполнение обязательства, исходя из своей природы и законодательного регулирования - это обязанность совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие (ст. 307 ГК РФ), к примеру, передать имущество по договору, но обязательства возникают именно из договоров (как указано в ч. 2 ст. 307 ГК РФ), обязательства следуют из содержания договора, из прав и обязанностей, указанных в договоре, чего нельзя сказать о недействительности сделок. Реституция образует именно устранение порока сделки, то есть неправомерных действий лица в случае его

недобросовестности и устранение данного порока ради возвращение сторон в исходное положение, которое было до заключения договора, до недействительности договора (до его заключения), а обязательства исходят из обязанности совершить действие по отношению к кредитору, который имеет право требовать вещь или совершение действия, потому что должник остался ему обязанным совершить действие по передачи вещи, а не исходя из того, что изначально или впоследствии признания судом лицо недобросовестным и умысел которого был направлен на извлечение выгоды в виде обмана, насилия при заключении договора (ст. 179 ГК РФ), или заведомо зная, что лицо является недееспособным (ст. 171 ГК РФ) и институт недействительности сделок защищает гражданские правоотношения от злоупотребления лицом, нарушающим основания сделки недействительной, закрепленные в п. 2 гл. 9 ГК РФ.

Не стоит применять и соотносить нормы обязательственного права как последствия недействительности договора (реституция) и недействительным его стоит признавать только в том случае, когда его внутреннее содержание в внутреннее свойство «применимости» договора не является предметом спора и иска в силу ее согласованности и заключенности, а являются именно действия, продуцирующие через порок состав недействительности сделок, который оспаривается или является ничтожным в силу норм, указанных в ст. 168 - 179 ГК РФ. Многие авторы классифицируют последствия недействительной сделки по группам: так, М. Мирзали, Д.А. Формакидов определяют эти группы как основные последствия недействительности сделки и дополнительные (приводя в качестве единственного основного последствия недействительности сделок двустороннюю реституцию). В качестве дополнительных последствий в обязанности возместить убытки, причиненные в связи с совершением и исполнением недействительной сделки в случаях, предусмотренных законом, приводя в пример обязанность лица возместить ущерб стороне, исходя из такого порока недействительности, как порок

субъекта стороны по недействительному договору и обязанность выплатить если она знала или должна была знать о пороках субъектного состава [29, с. 178].

А.В. Чистякова отмечает, что в качестве дополнительных следует относить последствия недействительности сделки, которые могут применяться наряду (одновременно) с реституцией: «к таким последствиям, прежде всего, следует отнести возмещение убытков, причиненных стороне недействительной сделки, в полном объеме или в объеме реального ущерба. Законодатель, не формулируя общего правила о возмещении убытков или реального ущерба при признании сделки недействительной или применении последствий недействительности сделки, предусматривает возможность их взыскания в конкретных составах недействительных сделок (например, п. 6 ст. 178, п. 4 ст. 179 ГК РФ)» [42, с. 105], что кажется верным, так как лицо, исходя из действий, которые характеризуются обманом, заблуждением другой стороны, или воспользовавшись тяжелым состоянием лица (при кабальной сделке), воспользовавшись недееспособностью лица, что могло повлиять на финансовое положение лица, причинить ему ущерб, связанный с заключением данного договора, или опекунам недееспособного лица, совершающего сделку, а также причиненный или возможно причиненный вред или ухудшение здоровья лица, совершившего эту сделку, вследствие чего произошел порок субъектного состава и порока воли данного лица. Поэтому, классификация указанного ими последствия в качестве дополнительного, куда входит возмещение ущерба, которое лицо могло бы получить, не осознавая данных последствий для себя, является верной.

Однако, есть и иное мнение, например, М.К. Сулейменов считает, что правовое регулирование возмещения убытков как последствия недействительности сделок характеризуется неоправданной и опасной для участников оборота фрагментарностью, что предопределяет необходимость установления в рамках общей статьи о последствиях недействительности

сделок таких правил расчета убытков, которые учитывали бы специфику недействительности сделок, а также предполагали возможность возмещения убытков в полном объеме для защиты сторон недействительной сделки по любому основанию [38, с. 110]. Однако, данное мнение только дополняет позицию о том, что нужна отдельная норма, закрепляющая дополнительное последствие недействительного договора в виде возмещения убытков.

В доктрине существуют и иные критерии разграничения последствий недействительных сделок: А.В. Шухарева разграничивает их следующим образом: в зависимости от вида и формы имущества, которое передается в качестве обязанности по реституционному правоотношению, он определяет реституцию владения, когда возвращается та же самая вещь, и компенсационную реституцию, когда вместо этого компенсируется стоимость вещи, соответственно в первом случае в натуральной, а во втором в денежной форме, когда возврат переданной вещи переходит другой стороне в деньгах [44, с. 77], что кажется верным, природа данного последствия исходит из того, что собственник вещи, которому по невозможности обязанности другого лица передать ему эту вещь, согласно ч. 1 ст. 209 ГК РФ не может больше рассчитывать на владение этой вещью, но соблюдение последствия по возвращению лиц в прежнее положение необходимо, то в данном случае возврат стоимости является верной не в силу альтернативы по осуществлению обязанности данным лицом, а вследствие невозможности исполнения данной обязанности в натуральной форме.

Как отмечает А.В. Чистякова, убытки при признании сделки недействительной или применении последствий ее недействительности подлежат определению в соответствии с правилами ст. 393 ГК РФ, а при компенсационной реституции возникает денежное обязательство, последствия нарушения которого могут определяться по правилам ст. 395 ГК РФ и ст. 317 ГК РФ, то есть данное последствие исходит из института обязательственного права, а не из института недействительности сделок [42,

с. 105], но данный факт не противоречит и не конкурирует с реституцией, потому что данная группа последствий происходит совместно (а не вместо одной защиты прав над другой), где в первую очередь в качестве последствий идут реституционные, исходя из института и положений § 2 гл. 9 ГК РФ, а затем из норм обязательственного права, то есть причинная связь дополнительных последствий возникает исходя из факта недействительности сделки, что является основой и общим для последствий данной сделки.

А.Н. Кунцов также определяет последствия из института обязательственного права как дополнительное последствие недействительности сделок. Он указывает, что «законодатель прямо не относит реституционные требования к обязательственным, а допускает применение к ним общих положений об обязательствах лишь постольку, поскольку иное не установлено законом или не вытекает из существа соответствующих отношений (подп. 2 п. 3 ст. 307.1 ГК)» [26, с. 361].

Также, Д.О. Скрыпник рассматривает еще одно последствие недействительных сделок – специальные: «к последствиям недействительности сделки следует отнести конфискацию (недопущение реституции) в тех случаях, когда законом предусмотрено применение такой меры» [37, с. 44].

Пусть конфискация не совсем является приемлемой к реституционным правоотношениям, однако, данное исключение из правил последствия реституции не является основанием считать данное последствие, как инородное для недействительных сделок, поэтому отнесение конфискации, как «специальное» и «иное» в доктрине и в законодательстве, а также отнесение такого последствия недействительности сделок - это следствие специфики правоотношений, которые привели к недействительности договора (сделки).

В доктрине, и не только, разграничение недействительных сделок подразделяется на двусторонние и односторонние. Если ранее в данной работе

классическое понимание реституционных правоотношений в качестве двусторонней реституции было проанализировано, то про одностороннюю реституцию стоит отметить следующее: В качестве односторонней реституции можно определить как недействительность сделки (ее следствие), обусловленными неправомерными виновными действиями одной из сторон, в то время, как другая сторона оказалась потерпевшей от противозаконных действий своего контрагента и в этом случае виновная сторона должна понести наказание и, наоборот, интересы потерпевшей стороны должны быть ограждены и ее права восстановлены.

М.А. Зегонов определяет одностороннюю реституцию отличая от двусторонней тем образом, что она является формой гражданско-правовой ответственности [20, с. 126], однако самой верной кажется классификация В.В. Быковой, которая определяет одностороннюю реституцию двояко: И как случай, когда предоставление по недействительной сделке произвела одна сторона, и как случай, когда одна из сторон в силу закона лишена права требовать представленное обратно (ст. 169 ГК РФ) [7, с. 15]. Данную классификацию внутри односторонней реституции можно назвать односторонней реституцией в силу природы его недействительного договора – то есть его классифицирующего признака – односторонности, в котором обязанность исполнения по договору лежит на одной стороне (по договору дарения или договор займа) или по закону и природы антисоциальных сделок, указанной в ст. 169 ГК РФ. Также можно отметить, что до реформы гражданского законодательства в 2013 г. механизм односторонней реституции присутствовал в ст. 179 ГК РФ, где сочетались два вида последствий недействительности сделок- односторонняя реституция и конфискация, что все имущество возвращается потерпевшей стороне, в то время, как потерпевшая сторона должна была путем конфискации имущество, которое причиталось ему в обратное возмещение, обращалось в доход Российской Федерации.

Кажутся не совсем верными изменения в части последствий недействительной сделки, указанной в ст. 179 ГК РФ, так как является спорным аспект вины, выражающийся не просто в противоправном, а в случаях и преступном деянии, выражающееся в виде насилия с точки зрения объективной стороны, умысла причинить вред или угрозой причинить вред, добившись цели заключить сделку, поэтому механизм последствия недействительной сделки, указанной в ст. 179 ГК РФ ранее был гораздо эффективнее в качестве механизма защиты потерпевшей стороны и как мера гражданско-правовой ответственности, которая возлагалась на виновное лицо.

А.В. Шухарева, рассматривая положение о недопущении реституции, указывает, что путем взыскания предоставленного по сделке имущества в доход государства и означает, что отчуждатель лишен права на защиту, и требуя по недействительной сделке имущества или взыскивая соответствующую компенсацию, государство не выступает ни в качестве собственника, ни в качестве потерпевшего и оно реализует в данном случае свое правомочие принудительного изъятия имущества, основание которого предусмотрено в законе в совокупности с п. 2 ст. 235 ГК РФ [44, с. 188].

Данная позиция является верной, потому что у государства нет цели конфискации имущества, оборот которого является незаконным, ради выгоды (так как кажется спорным в экономических целях изъятие государством самодельных взрывных устройств, переданных по антисоциальной сделке). Через механизм принудительного взыскания, государство защищает правопорядок, безопасность, моральные и нравственные аспекты, поэтому все то, что получено по данному договору, должны быть конфискованы на основании невозможности оборота таких вещей или оказания услуг, которые законодательством РФ запрещены (к примеру, занятие проституцией и организация данной деятельности ради собственной выгоды) и поэтому право на двустороннюю реституцию у лица отсутствует, а соотношение с п. 2 ст. 235 никак не конкурирует с недопущением реституции, на основании того, что

данный механизм является одним из оснований прекращения права собственности, а значит применимо к последствиям, указанным в ст. 169 ГК РФ.

Также в доктрине существует дискуссия о том, считается ли двусторонняя реституция юридической ответственностью или нет. Есть различные позиции по данному вопросу. По мнению А.Н. Кунцова, любая реституция, как двусторонняя, так и односторонняя является санкцией [26, с. 361]. Иная точка зрения у А.В. Чистяковой, которая считает, что двусторонняя реституция не может считаться санкцией, так как не связана с претерпеванием сторонами дополнительных неблагоприятных последствий (а именно дополнительные последствия отличают санкцию как меру ответственности). Таким образом, обязанность вернуть исполненное по недействительной сделке ничем не отличается от любой другой гражданско-правовой обязанности. Более того, по общему правилу обязанность вернуть исполненное возникает не только у лица «виновного» в совершении недействительной сделки, но и у другого лица, добросовестно вступившее в эти отношения [42, с. 107].

Сторонником третьей позиции в отношении вопроса о том, является ли последствие сделки недействительной санкцией, является Ю.П. Демина, которая считает юридической ответственностью только принудительное осуществление реституции, добровольное исполнение обязанности восстановить прежнее положение он не относил к мерам юридической ответственности признание сделки ничтожной [14, с. 149].

Можно посмотреть на данную дискуссию с двух сторон. Наверняка нет вопроса о том, является ли недопущение реституции (конфискация) в качестве последствия недействительной сделки ответственностью (санкцией), так как лицо из-за особенностей пороков данного договора может не только вернуть вещь в доход государства по решению суда, но также лишиться и своей вещи или денежной суммы, которую он уплатил за вещь, которую

нельзя в силу закона было передать. Более того, некоторые авторы считают последствия, указанные в ст. 169 ГК РФ альтернативной санкцией.

С учетом того, что лицо, заведомо недобросовестное, а значит виновное в совершении этой сделки, заранее знал о том, что с заключением данного договора он нарушает законодательство, тем самым продуцируя порок договора, а значит невозможность лица воспользоваться в силу нарушения закона возможностью достичь правового эффекта и владеть вещью, по договору которому ее нельзя было передать и вернуть вещь в силу реституции также можно посчитать санкцией, однако позиция авторов в отношении последствий недействительного договора, не связанного с недопущением реституции, санкцией являться не могут, так как при возвращении сторон в прежнее положение, в котором они находились до заключения договора, являются скорее мерами восстановления и защиты гражданских прав, а не притязанием и претерпеванием, связанным с потерей вещи, а лишь невозможностью владеть той, которую он хотел приобрести с нарушением закона.

Можно сформулировать общий вывод, что последствия признания сделок недействительными – двусторонняя реституция (когда каждая из сторон недействительной сделки обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре возместить его стоимость в деньгах); односторонняя реституция (заключается в том, что исполненное обратно получает только одна сторона сделки – добросовестная); возмещение реального ущерба; недопущение реституции (обращение всего, что было передано в исполнение или должно быть передано по сделке, в доход государства).

Глава 3 Проблемы законодательства и судебной практики признания сделок недействительными и пути их решения

3.1 Проблемы законодательства и судебной практики признания сделок недействительными

Анализ законодательства и судебной практики признания сделок недействительными показывает, что одной из важнейших проблем является порядок применения правовых последствий. Так, ничтожные сделки, согласно ГК РФ, могут признаваться таковыми и без решения суда. Обязательность суда в подобной ситуации объясняется необходимостью применения последствий недействительности сделки.

Затруднения, связанные с вышеуказанной особенностью, возникают в большинстве случаев в ходе рассмотрения в судах экономических споров. Стоит отметить, что применение последствий недействительности сделки может быть как по требованию заинтересованного лица, так и по собственной инициативе суда. Что же касается экономических споров, главной проблемой являются ситуации, в которых признание ничтожной или оспоримой сделки недействительной не выступает главной задачей искового требования, но в ходе судебного разбирательства определяется факт ничтожности фигурирующей в споре сделки. Такие ситуации заставляют задуматься о том, должны ли суды по собственной инициативе применять последствия признания сделки недействительной.

Признание недействительности сделки выступает одним из способов защиты гражданских прав. Объяснением подобного можно считать то, что лицо, стремящееся доказать недействительность сделки, пытается восстановить свои права, нарушенные в ходе этого действия.

Статья 169 ГК РФ о недействительности сделок, совершенных с целями, противными основам нравственности и правопорядка позволяет

исследователям говорить о возможности применения последствий признания сделок недействительными по инициативе суда. Существует вероятность того, что суд, ссылаясь на ст. 169 ГК РФ, может по собственной инициативе употреблять последствия недействительности сделки.

Однако, такое мнение кажется довольно необоснованным, так как даже в случае реституции в качестве истца должно выступать государство, но никоим образом не суд. Другими словами, инициатором осуществления последствий недействительности сделок может выступать либо одна из сторон сделки, либо Российская Федерация, в чью пользу может взиматься имущество, находившееся в обороте сделки.

Согласно ст. 166 ГК РФ, подавать иск о признании недействительности ничтожной сделки могут любые лица, заинтересованные в ходе сделки. Но, несмотря на это правило, стоит понимать, что факт обращения в суд не может являться достаточным фактом для свидетельствования наличия заинтересованности у лица, подающего иск. Об этом говорят исследователи, отмечая, что лицо должно не только показать свою заинтересованность в признании сделки недействительной и желании применения соответствующих последствий, но и доказать это [44, с. 179].

Из судебной практики мы не можем точно сказать, кем можно считать заинтересованное лицо. Благодаря большому объему материалов по судебной практике можно заметить, что в качестве заинтересованности часто выступали какие-либо экономические потери сторон сделки. Подобная ситуация, естественно, была неправильной. Один из ярких примеров подобной ситуации можно найти в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 28 апреля 2019 г. [34]. Объяснением значимости данного случая является то, что здесь суд пришел к выводу, что аргументы акционера общества, являвшегося в данном случае истцом, ограничивались только описанием малоэффективности ведения производственно-экономической деятельности данного общества. Подобные заявления же, в свою очередь, в силу нарушения прав и законных

интересов истца не могли стать причиной удовлетворения требования признать сделку недействительной.

В связи с вышеперечисленным, суды в настоящее время чаще всего запрашивают, чтобы интерес при оспаривании сделки обязан быть материально-правовым, а не просто юридическим. При решении вопроса наличия у истца материально-правового интереса, судья должен проверить характер заявления данного лица по двум следующим пунктам:

- вытекает ли это заявление из объективного права;
- подлежит ли заявление правовой защите как таковой.

Наиболее вероятно признание наличия материально-правового интереса в случае, если данная оспоримая сделка вносит какую-то неопределенность в правовую сферу лица и тем самым может повлиять и на его правовое положение. Такая особенность материально-правового интереса позволяет сделать вывод, что лица, которые пытаются доказать недействительность сделок и тем самым действующие в чужих интересах без каких-либо правовых оснований для этого, не способны получить желаемый результат. Другими словами, подобные граждане не могут быть признаны заинтересованными.

Подобные ситуации часто встречаются в судебной практике. Так, например, в Постановлении ФАС Уральского округа от 31 января 2020 г. [36] рассмотрен случай, с оспариванием купли-продажи с правом требования долга на основании того, что, по мнению истца, в результате совершения сделки были нарушены права потенциальных покупателей. Свою позицию истец подкреплял заявлениями о том, что многие потенциальные покупатели могли просто не знать о возможности приобрести эти права с довольно ощутимой скидкой. Итогом дела стало заявление суда о том, что истец не является заинтересованным лицом. Подобная ситуация является лишь еще одним подтверждением того, что материально-правовой интерес лица, выступающего в качестве истца, должен непременно быть личным.

Многие авторы не выделяют отдельно юридический, материально-правовой и процессуальный интересы. Вместо этого юридическая заинтересованность делится ими на материально-правовую и процессуальную. Такое деление имеет довольно логичное обоснование, ведь материально-правовое значение юридической заинтересованности состоит в том, что судебное решение способно дать стороне положительный правовой результат. В случае процессуального содержания, суть данного основания заключается в том, чтобы обусловить право на участие в деле в качестве стороны.

Согласно законодательству, заинтересованность стоит признавать лишь за сторонами оспоримой сделки. На практике этот момент можно встретить в Постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 23 мая 2020 г. [35] В рассмотренном случае суд указал на то, что круг заинтересованных лиц должен быть более немногочисленным за счет включения в него лишь непосредственных сторон сделки, а также правопреемники этих лиц. Подобная ситуация объясняется восстановлением первоначального имущественного состояния за счет реституции лишь непосредственных субъектов, участвовавших в заключении сделки.

Совсем противоположного мнения придерживаются исследователи, отмечая, что «признание их (мнимых сделок) ничтожными и применение последствий ничтожности только сторонами сделало бы нормы о мнимых сделках мертвыми» [22, с. 16]. Свое мнение авторы подкрепляют размышлениями насчет того, что острая необходимость в четких указаниях на то, кто должен признаваться субъектом требования применения реституции привела бы к четким указаниям со стороны законодательства на этот счет.

Подобные рассуждения не могут не вызывать доверие и хотя бы частичное согласие с мнением исследователей. Однако истец обязан доказать существование реального нарушения прав, а не говорить о возможных нарушениях, которые еще не были осуществлены. Другими словами,

необходимо понимание того, что заинтересованность ни в коем случае не должна быть неограниченной. Подобные правила должны касаться и последствий признания недействительности сделок. Применение последствий данного решения должны непосредственно касаться самих сторон сделок, и не зависит от частного лица и его воли каким-либо образом.

Важную роль в современных проблемах признания сделки недействительной играет и такой аспект, как вероятность признания недействительности ничтожной сделки, а также применение последствий подобного решения, связанное с лицом, обладающим публично-правовым интересом. Несмотря на то, что в законодательстве нет легального определения публично-правового интереса, можно обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части ГК РФ, в котором под публичными интересами понимаются интересы неопределенного круга лица, охраны окружающей природы, обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан, а еще обороны и безопасности государства [33].

Вполне возможно предположение о праве применении установленных способов защиты лишь лицами, участвующими в имущественных и личных неимущественных отношениях.

Очевидным фактом является то, что ни один государственный орган не вправе говорить о том, что ничтожная сделка смогла каким-либо образом повлиять на частноправовую сферу. Но в редких случаях подобная ситуация может вполне реально произойти. В таком случае государственный орган, фигурирующий в деле, обязан вступить в правоотношения для признания ничтожности сделки и применения последствий признания сделки недействительной. В такие правоотношения государственный орган обязан вступать в качестве частного права, а не публичного.

Однако, несмотря на то что государственный орган не вправе выступать в вышеперечисленных ситуациях в качестве представителя публичного права,

не стоит совсем забывать о публичных элементах в гражданских правоотношениях. Важную роль публичное право может играть в вопросе признания сделок недействительными и дальнейшем применении последствий данного решения. Важность публичного права в вопросе признания сделок недействительными объясняется тем, что «существуют сделки, недействительность которых вызвана больше нарушением публичного, чем частного порядка.

Можно сформулировать общий вывод, что проблемы, связанные с признанием сделок недействительными, можно представить в виде нескольких основных пунктов. Во-первых, это порядок применения последствий признания недействительности. Во-вторых, стоит определить субъекты, имеющие право требовать признание недействительности и применение соответствующих мер. В-третьих, стоит обратить внимание на то, что нормы применения последствий недействительности не соответствуют системе гражданско-правовых охранительных мер в полном объеме. В ходе исследования данных вопросов становится понятно, что изменения в правилах применения норм о последствиях недействительности сделок необходимы для дальнейшего развития этого раздела науки. В качестве одного из основных способов изменения может выступать включение соответствующих изменений в ГК РФ.

3.2 Совершенствование законодательства в сфере недействительности сделок

Помимо проблем, связанных с признанием недействительности сделок, можно выделить и вопросы, связанные с тем, что общепринятые нормы, касающиеся проблемы признания сделок недействительными, не всегда вписываются в ориентирующуюся на традиционную систему охранительных мер в гражданском праве. Из-за такой особенности применение

вышеперечисленных мер ведет к нарушению норм других институтов субъективных прав, а также незащищенности публичных интересов. Эта проблема препятствует развитию не только вопроса недействительности сделок, но и всей цивилистической науки в целом. В связи с этим в данной проблеме уделяется особое внимание рассмотрению этого вопроса.

Нельзя наверняка сказать о самом эффективном решении данного вопроса, так как вышеуказанная проблема является довольно объемной и сравнительно малоизученной у представителей учения о гражданском праве. Однако, в качестве первых шагов к решению проблемы, предлагается обратиться к таким понятиям, как кондикция и виндикация. Стоит понимать важность кондикционных и виндикационных исков, а также включить в ст. 167 ГК РФ прямые отсылки к нормам, связанным с этими двумя вопросами. Такое решение позволит использовать реституцию для регулирования ранее указанных институтов. Данное решение помогло бы также с проблемой безопасности прав добросовестного покупателя, так как при включении норм виндикации и кондикции можно было бы меньше волноваться об использовании более выгодных для собственника, но при этом наносящих ущерб добросовестному лицу способов совершения сделки.

Виндикация также может помочь истцу получить свое имущество назад после признания сделки недействительной. В судебной практике известны случаи, когда позиционирование требований истца как виндикационных вместо реституционных помогало стороне возратить потерянное в ходе оспоримой сделки.

Несмотря на ряд плюсов, прямая отсылка к виндикации может привести и к не самым лучшим результатам. Так, например, истец может потерять преимущества, предусмотримые п. 2 ст. 167 ГК РФ, гласящей, что истец не обязан доказывать свое право на имущество. Вместо этого лицо должно доказать лишь то, что является стороной рассматриваемой сделки. Преимуществом же в данной ситуации является тот факт, что лицо,

выступающее в качестве стороны сделки, защищается не в качестве обладателя прав, а в силу необходимости оборота.

Как известно, защита добросовестного лица и его интересов является одной из важнейших задач судебного процесса. Для выполнения данного условия предлагается отнести недействительные сделки, в совершении которого участвовало неуправомоченное лицо при существовании условий, относящихся к ст. 302 ГК РФ к числу оспоримых. Объяснением для такого решения является недобросовестность приобретателя.

Из рассмотренных ранее примеров и проблем можно сделать вывод, что огромное значение в последствиях признания сделки недействительной имеет такое понятие, как реституция. Именно реституция помогает восстановить справедливость путем возмещения ущерба недобросовестным лицом добросовестному участнику сделки. С реституцией связано большинство современных проблем, касающихся недействительной сделки. Именно поэтому, изучение данного явления и выявления новых путей его развития могут в значительной мере помочь не только решить вопрос недействительности сделок, но и продвинуть цивилистическую науку на несколько шагов вперед.

Несмотря на необходимость заключения сделок, лица, представляющие стороны действия, довольно часто не знают всех норм законодательства, касающихся данного вопроса либо неправильно их понимают. Все это ведет к тому, что сторона сделки может определить незаконность содержания осуществляемой сделки. Из-за того, что подобные ситуации встречаются в судебной практике довольно часто, необходимо определять обстоятельства, которые свидетельствуют «о наличии истца права собственности на предмет оспариваемой сделки». Кроме этого, сложности при рассмотрении сделок, связанных с недвижимым имуществом, могут возникнуть и из-за наличия в ней несовершеннолетнего лица. Трудности могут возникнуть в связи с тем, что в большинстве случаев, связанных с даже незначительным уменьшением

имущества несовершеннолетнего, значительную роль играют не только законные представители лица, но и органы опеки и попечительства. Именно поэтому в судебной практике рассмотрение дел, связанных с признанием сделки по недвижимому имуществу, не является редким.

В целом, проведенное исследование позволяет предложить следующие меры совершенствования законодательства в сфере недействительности сделок:

- целесообразно законодательно закрепить презумпцию действительности сделок: сделка, не имеющая юридической силы, тем не менее считалась бы действительной до решения суда, которое опровергло бы это. Это относится не только к подтверждению действительности оспоримых сделок, но и к признанию действительности ничтожной сделки;

- необходимо разработать методы, подходы, правовые механизмы, с помощью которых, при условии заключения и исполнения сделки с пороком формы, будет возможно защитить интересы добросовестной стороны сделки, помимо уже условно существующего механизма исцеления (конвалидации) порочной сделки;

- термин «оспоримая сделка» является недостаточно точным. Слово «оспоримый» неверно отражает сущность недействительной сделки, которая недействительна в силу признания таковой судом;

- ввиду того, что признание сделок юридических лиц кабальными является неоднозначным вопросом, как в судебной практике, так и в научной сфере, необходимо законодательно урегулировать применение конструкции кабальных сделок в предпринимательской сфере. Предлагается ввести в п. 3 ст. 179 ГК РФ новый абзац: «Сделка, совершенная юридическим лицом на крайне невыгодных условиях, может быть признана судом недействительной, если она совершена под влиянием форс-мажорных обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась».

Заключение

Проведенное в данной выпускной квалификационной работе исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Сделка – это волевой, правомерный юридический акт сделкоспособных субъектов частноправовых отношений, направленный на достижение осуществимых гражданско-правовых последствий. Условия действительности сделки – установленные законом требования, которые относятся к ее элементам (субъектам, субъективной стороне, форме и содержанию). Законодатель определил действительность сделки посредством следующей системы условий: способность лиц, совершающих сделку, к участию в ней; волеизъявление должно соответствовать внутренней воле сторон; соблюдение установленной законом формы сделки; соответствие содержания сделки требованиям закона.

«Недействительная сделка» – противоправное действие, юридически оформленное в форме сделки, имеющее правовые недостатки, но не имеющее возможности привести к такому юридическому результату, который изначально предполагался сторонами в момент ее заключения. Соответственно, под «недействительностью» необходимо понимать любое неприятие законодательством тех правовых последствий, которые несла или могла нести в себе данная сделка, а также целей в связи, с которыми она заключалась. В основе недействительности кроются те самые пробелы в законодательстве, которые и влекли невозможность признания сделки, заключенной правомерно.

Основные отличия ничтожных сделок от оспоримых можно указать по следующим положениям: указание прямо в законе на ничтожность недействительной сделки; ничтожность сделки независимо от нарушенного права или же круга лиц; ничтожность сделки независимо от желания лиц сохранить сделку; возможность установления судом ничтожности сделки, в

том числе и в рамках судебного разбирательства по другому предмету; возможность применения судом последствий недействительной сделки по своей инициативе в публичных целях; наличие трехлетнего срока исковой давности.

При этом, последствия признания сделок недействительными – двусторонняя реституция (когда каждая из сторон недействительной сделки обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре возместить его стоимость в деньгах); односторонняя реституция (заключается в том, что исполненное обратно получает только одна сторона сделки – добросовестная); возмещение реального ущерба; недопущение реституции (обращение всего, что было передано в исполнение или должно быть передано по сделке, в доход государства).

Проблемы, связанные с признанием сделок недействительными, можно представить в виде нескольких основных пунктов. Во-первых, это порядок применения последствий признания недействительности. Во-вторых, стоит определить субъекты, имеющие право требовать признания недействительности и применение соответствующих мер. В-третьих, стоит обратить внимание на то, что нормы применения последствий недействительности не соответствуют системе гражданско-правовых охранительных мер в полном объеме. В ходе исследования данных вопросов становится понятно, что изменения в правилах применения норм о последствиях недействительности сделок необходимы для дальнейшего развития этого раздела науки. В качестве одного из основных способов изменения может выступать включение соответствующих изменений в ГК РФ.

Проведенное исследование позволяет предложить следующие меры совершенствования законодательства в сфере недействительности сделок:

– целесообразно законодательно закрепить презумпцию действительности сделок: сделка, не имеющая юридической силы, тем не

менее считалась бы действительной до решения суда, которое опровергло бы это. Это относится не только к подтверждению действительности оспоримых сделок, но и к признанию действительности ничтожной сделки;

– необходимо разработать методы, подходы, правовые механизмы, с помощью которых, при условии заключения и исполнения сделки с пороком формы, будет возможно защитить интересы добросовестной стороны сделки, помимо уже условно существующего механизма исцеления (конвалидации) порочной сделки;

– термин «оспоримая сделка» является недостаточно точным. Слово «оспоримый» неверно отражает сущность недействительной сделки, которая недействительна в силу признания таковой судом;

– ввиду того, что признание сделок юридических лиц кабальными является неоднозначным вопросом, как в судебной практике, так и в научной сфере, необходимо законодательно урегулировать применение конструкции кабальных сделок в предпринимательской сфере. Предлагается ввести в п. 3 ст. 179 ГК РФ новый абзац: «Сделка, совершенная юридическим лицом на крайне невыгодных условиях, может быть признана судом недействительной, если она совершена под влиянием форс-мажорных обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамова Ю.Н., Федоскин Н.Н. Анализ актуальных проблем судебной практики по спорам о недействительности сделок, признаваемых мнимыми или притворными // Гражданин и право. 2021. № 4. С. 91 - 93.
2. Алексеев А.М., Семенова Н.В. Проблемы правового регулирования и применения последствий недействительности сделки // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов научно-практической конференции. – Чебоксары, 2021. С. 266 - 270.
3. Аракелян Л.К., Загитова Г.С., Хованская А.И. Понятие и признаки сделок // Аллея науки. 2017. Т. 4. № 16. С. 674 - 677.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. №30. Ст. 3012
5. Балачевская О.Н., Петрова А.А. Понятие, виды и форма сделок. Условия их недействительности // Вестник науки. 2020. № 5. С. 238 - 242.
6. Бежецкий А.Ю. Недействительность мнимых и притворных сделок: проблемы теории и практики : дис. ... кандидата юридических наук. – М., 2013.
7. Быкова В.В. Понятие и виды недействительности сделок // Экономика, социология и право. 2021. № 1. С. 13 - 17.
8. Величаева И.С. Условия действительности сделок // Молодой ученый. 2020. № 51. С. 175 - 177.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 1996, N 5, ст. 410.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ, 1994, N 32, ст. 3301.

11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. №46. Ст. 4532

12. Гулиева М.И. Основная классификация правовых последствий недействительности сделок // Научный электронный журнал Меридиан. 2021. № 7. С. 146 - 148.

13. Давидович О.А. Актуальные вопросы недействительности сделок // Молодой ученый. 2020. № 51. С. 197 - 198.

14. Демина Ю.П. Понятие и сущность недействительной сделки в гражданском праве // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – М., 2017. С. 47 - 49.

15. Дружинин В.О., Филатова У.Б. Недействительность сделок // Интернаука. 2021. № 3. С. 81 - 83.

16. Евграфьев А.А. Виды и формы сделок в гражданском праве // Вестник магистратуры. 2016. № 11. С. 108 - 111.

17. Ершова Н.Б. Недействительные сделки в современном гражданском праве России // Научный поиск. 2017. № 2.1. С. 38 - 39.

18. Забелина Е.В. Исследование института недействительности сделок в современный период // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12. С. 115 - 117.

19. Захарова Е.Р. Теоретико-исследовательские аспекты общей характеристики условий действительности сделок // Инновационные научные исследования. 2021. № 3. С. 102 - 107.

20. Зегонов М.А. Виды недействительных сделок. Последствия недействительности сделки // Вестник магистратуры. 2017. № 1. С. 125 - 129.

21. Каменева З.В., Смирнова М.В. Понятие сделки и условия ее действительности в юридической доктрине России // Систематизация

российского законодательства в современных реалиях: сборник статей научно-практической конференции. – М., 2018. С. 21 - 24.

22. Кобахидзе Е.И., Габараев Д.М. Виды сделок и их особенности // Научные исследования молодых ученых: сборник статей Международной научно-практической конференции. – М., 2020. С. 15 - 17.

23. Кокоева А.А. Условия действительности сделок // Научное и образовательное пространство в условиях вызовов современности. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2021. С. 175 - 179.

24. Коломейцева В.Ю. Недействительность сделок: сравнительный анализ ничтожных и оспоримых сделок // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11. С. 156 - 159.

25. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

26. Кунцов А.Н. К вопросу о соотношении понятий недействительная сделка и недействительность сделки // Академическая публицистика. 2019. № 5. С. 360 - 363.

27. Курманбаев М.М. О правовых последствиях недействительности сделки // Теоретический и практический потенциал современной науки: сборник научных статей. – М., 2021. С. 102 - 104.

28. Малкеров В.Б. Систематизация понятия «сделка» в гражданском праве РФ // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3. С. 157 - 158.

29. Мирзали М., Формакидов Д.А. Конкуренция оснований недействительности сделок // Актуальные вопросы развития частного права и цивилистического процесса в современных условиях: сборник материалов Всероссийской конференции. – Пермь, 2021. С. 177 - 180.

30. Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1995. №52. Ст. 2789

31. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1998. №8. Ст. 578

32. Огнистый В.В. Понятие сделки: общетеоретический аспект // Крымский Академический вестник. 2017. № 4. С. 141 - 145.

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 ГК РФ» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2015. № 7.

34. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 28.04.2019 по делу № А05-12056/2019-23 // СПС Консультант Плюс

35. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23.05.2020 по делу № А22 568/2020/6-46 // СПС Консультант Плюс

36. Постановление ФАС Уральского округа от 31.01.2020 по делу № А34-4479/2020 // СПС Консультант Плюс

37. Скрыпник Д.О. Недействительность сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта : дис. ... кандидата юридических наук. – М., 2014.

38. Сулейменов М.К. Недействительные сделки в гражданском праве: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы гражданского права. 2016. № 1. С. 109 - 155.

39. Тимофеева Р.Т. К вопросу о недействительности сделок // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 89 - 95.

40. Федотова О.В., Бурмистрова Т.Р. К вопросу правовой природы недействительности сделок // Актуальные проблемы права, государства и экономики: сборник статей Всероссийской конференции. – Орел, 2021. С. 133 - 137.

41. Чирикалов П.С. Понятие сделки в современном законодательстве // Научный электронный журнал Меридиан. 2021. № 4. С. 117 - 119.

42. Чистякова А.В. Последствия недействительности сделок // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – М., 2021. С. 104 - 109.

43. Шуваева Е.А. Институт недействительности сделки: доктринальные проблемы и возможные пути их решения // Экономика и социум. 2019. № 11. С. 915 - 918.

44. Шухарева А.В. Недействительность сделок : монография. – М., 2018.